

К 160-летию образования Амурской области

Игорь Игнатенко

Aemcm80 Ezopky

Повесть в новеллах

Благовещенск 2018

ББК 84 (2Poc-4Aму) 6-44 И264

Игнатенко И. Д.

Детство Егорки. Повесть в новеллах. — Благовещенск: ООО «Издательская компания «РИО» — СПб.: ИП Львов Д. В., 2018. - 176 с.

В год своего 75-летия Игорь Данилович Игнатенко дарит читателям новую книгу. Она посвящена его ровесникам, рождённым в Великую Отечественную войну. Воссозданы наиболее яркие фрагменты жизни главного героя повести от рождения до поступления в школу.

Родители, Родина, народ — этими однокоренными словами выражены главные духовные ценности России. Они — как краеугольные камни, лёгшие в основание характеров и судеб большинства советских людей, в том числе дальневосточного мальчика Егорки и его сверстников.

Автор благодарен своей семье — Ларисе Игнатенко, Ларисе Рахматулиной, Нине, Александру и Даншлу Кристьевым, Валерии, Андрею и Тимуру Уманцевым, Денису, Анне и Алисе Рахматулиным, Яне Матушкиной, — а также Александру Урманову, Николаю Георгиевскому, Екатерине Варламовой, Владиславу Лецику, помогавшим в работе над книгой.

Особая признательность — министерству культуры и национальной политики Амурской области, Амурской областной библиотеке им. Н. Н. Муравьёва-Амурского за содействие в издании повести «Детство Егорки».

Рисунки Екатерины Варламовой и Даниила Кристьева. Фото из семейного архива.

[©] Игнатенко И. Д., текст, 2018

[©] Варламова Е. А., рисунки, 2018

[©] Кристьев Д. А., рисунки, 2018

Калейдоскоп воспоминаний

Каждый из нас хранит воспоминания начиная от младенчества. У одних эти картинки живут в памяти с пелёнок. Другие помнят свой первый шаг, когда резко расширилась граница с окружающим миром. Кто-то бережёт впечатления, рождённые сильными ощущениями — теплом матери, вкусом грудного молока, ярким светом солнца, болью, страхом и радостью. Словом, начало жизни запечатлевает каждый по-своему. Подобно разноцветным осколкам в калейдоскопе, содержатся в мозгу, меняясь порой местами, разные случаи из того, что с нами происходило.

Егорка, как говорится, впитывал жизнь с молоком матери. Разумеется, понимание того, что с ним творилось, пришло значительно позже. Сил и ума набирался по мере роста.

Позднее знание, словно луч волшебного фонарика, помогает памяти проникать в толщу давних событий. Как ни ярки бывают картинки раннего детства, но они то заслоняют одна другую, то вовсе сливаются в нечто целое или же стушёвываются. Вырастая помаленьку, мы спрашиваем у родителей, что с нами происходило — при каких условиях и каким образом. А потом нам кажется, что такими смышлёными мы были в свои и год, и полтора, и три года.

Вот и Егорка многое видел в своём прошлом глазами матери и отца. Общее знание помогало личным переживаниям не теряться под наслоениями будней. Но случалось и так, что родители не могли ничего ни добавить, ни объяснить.

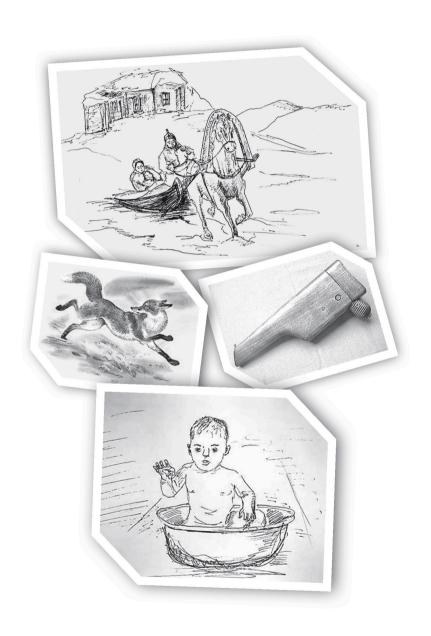
Листая страницы книжки, постарайтесь разделять собственно Егоркины впечатления от тех подробностей, которые додумал и дорисовал автор. А он вынужден был это сделать — иначе возникло бы много недоумённых вопросов. Прежде всего это относится ко времени и месту действия. Ведь говорить о точной датировке не приходится. Да и большинства слов, которыми описываются приключения, Егорка ещё не знал. Простите автора за невольный произвол — ведь подвиги главного персонажа начались так давно!

Это важно понимать, потому что родился Егорка посредине огромной войны. Людям жилось трудно и скудно, многого не хватало. Кусок хлеба был удовольствием, кружка молока — наслаждением, а липкая конфетка-подушечка — настоящим счастьем. Мера ценностей не совпадала с нынешними запросами.

То же самое касается людей, окружавших героя повествования. Что-то вам в их поступках и словах покажется странным с сегодняшней точки зрения. Но именно так всё и происходило. Запоминается ведь главное и настоящее. Разумеется, на первом месте стоит мать. За ней идут остальные родственники — отец, бабушки, дедушки, тётушки, дяди и так далее. Где-то рядом с Егоркой находился и я. Мы ведь с ним ровесники. Уверен, вы справитесь с несложной задачей и сумеете отличить, где Егорка, а где автор.

Ну вот и всё. Вступление сделано. Осталось только перелистнуть первую страницу «Детства Егорки» и начать путешествие по его прошлому, которое живёт в настоящем.

Neu3 Thadumble Brievamnehug

Распутица

В жизнь герой нашего повествования въехал на санях. В селе Сосновка, где жили и работали его родители, Нина и Даниил, больница только строилась. Молодая женщина, готовящаяся стать матерью, волновалась и очень опасалась за здоровье будущего первенца. Надо было собираться в дорогу. Ближайший фельдшерский пункт находился за двадцать пять километров в деревеньке под названием Хохлушка.

Начинался месяц май. Просёлочные дороги развезло основательно. Мартовские бураны намели огромные сувалы. Остатки снега медленно дотаивали на полдневных солнечных сугревах. Ночью и по утрам грязь замерзала до ледяной твёрдости. Машины раздобыть нигде не удалось — в войну весь автотранспорт был на строгом учёте.

Хорошо, что в распоряжении Даниила был конь Гнедко. Ехать на телеге в такую пору тряско, это могло повредить матери и будущему ребёнку. Так что пришлось ранним утром запрягать коня в сани-розвальни. Поскольку железные подрезы* не годились для езды в эту пору, Даниил выбрал сани с голыми полозьями из прочной свилистой берёзы.

Положил на дно саней большую охапку сена, покрыл суконным одеялом и вынес из дому две подушки. На кожаном ремне, перекинутом через плечо, висел пистолет системы «Маузер» в кобуре из орехового полированного дерева. Ему, как военфельдшеру и заведующему районным отделом здравоохранения, согласно законам военного времени полагалось иметь оружие. Да и предстоящий путь по таёжной окраине заставлял быть начеку. Известное дело, по весне волки особенно опасны. Расплодилось их без ушедших на войну охотников бессчётно.

Покончив с приготовлениями, Даниил усадил со всеми предосторожностями молодую жену Нину, одетую по-зимнему в овчин-

^{*} Подрезы — железные полосы, набитые на деревянные полозья саней. Защищали полозья от стирания и облегчали скольжение по зимней дороге.

ную шубу-борчатку и валенки. Сверх того укрыл овчинным тулупом и примостил подушки наподобие кресла.

Сам снарядился в дорогу не менее основательно. Гулами — охотничья куртка из шкуры дикой козы до колен, красноватым пошарканным мехом наружу — подпоясана широким офицерским ремнём. На голове будёновка с пододетым шерстяным шлемом. Обут в яловые сапоги, которым ни снег, ни грязь нипочём. Рукавицыверхонки позволяли держать вожжи, не давая рукам замёрзнуть на долгом пути.

Оглядев повозку и убедившись, что всё в порядке, Даниил взял вожжи, легонечко прихлестнул ими по спине Гнедка:

— Н-но, ретивый! Не вздумай рвать постромки!

Гнедко тронул с места рысцой. Берёзовые полозья ходко скользили по заиндевевшей земле. Однако на ухабах ощутимо швыряло, и пришлось, как ни спешили, перейти на шаг.

Двадцатилетняя Нина стойко переносила тяготы пути. Она даже находила силы улыбаться, думая о Егорушке. Почему-то им с мужем казалось, что у них обязательно родится сын. Имя подобрали заранее, мечтая о том, как будут растить и пестовать своего «мужичка».

По прибытии на место долго залёживаться не пришлось: тряская дорога сказалась.

Родился Егорушка с радостным криком. Старенький фельдшер Иван Иваныч поздравил мать и отца с первенцем.

— Получайте помощника! Путешественник будет — вон в какую даль приехал, ещё не родившись.

Отдохнув пару суток и набравшись сил, в обратную дорогу отправились посредине дня. Солнце растопило дорожный ледок, но застоявшийся сильный Гнедко уверенно тянул розвальни по неглубокой грязце.

Новый человек мирно спал на руках матери, запелёнатый фланелькой, укутанный в пуховый платок и заранее припасённое детское одеяльце.

Ничто не смогло помешать появлению новой жизни: ни майская распутица, ни грохочущая далеко на западе война.

А то, что рождённые в мае обречены всю жизнь маяться, так это бабкины сказки и суеверие. В мае появляются Тельцы, которые быстренько переходят на подножный корм. Молоденькая зелёная травка и яркое солнце напитывают их творчеством и стремлением двигаться на воле. Судьба Егорки станет тому подтверждением.

Моршинистые пальчики

Вначале Егорушку наладились купать в большом тазу. Эмалированной посуды тогда не было. Деревенский мастер изготовил таз из обыкновенной жести.

В доме топилась берёзовыми дровами печь. Отец приносил из колодца два ведра воды: одно ставил греться на печь, а другое — на пол у печи. Здесь же, в кухне, устанавливал напротив печной дверцы табурет, а на него — Егорушкину банную посудину. Мать наливала горячей воды и разбавляла холодной. Пробовала ладонью: не сильно ли горячо? Для большей уверенности опускала в таз локоть.

Когда всё было готово, малыша приносили из комнаты, раздевали донага и усаживали в таз. Поначалу Егорушка не понимал, что с ним происходит, и даже принимался реветь. Но после первых купаний полюбил булькаться и мог сидеть в тазике сколь угодно долго. Тем более что тут же рядом плавала серенькая резиновая уточка. Птице тоже нравилось купаться. Она забавно крякала и была довольна такой жизнью.

Егорушка хлопал по воде, поднимал волны, но уточка и не думала тонуть. Порой брызги летели на пол, шипели на плите. Мать не сердилась. Если ребёнок играет, значит, здоров и у него всё в порядке.

Хуже было под конец купания, когда мать намыливала ему голову и тёрла раскрасневшееся тело старой фланелевой пелёнкой. Жёсткую мочалку она боялась пускать в дело, а детской в доме не было. Мыльная пена щипала глаза. Егорушка громко выражал недовольство. Спеша опередить возможный рёв, отец из ковша поливал голову наследника тёплой водой — и глаза переставало щипать. Мать вынимала Егорушку, накрывала сухим полотенцем, ерошила льняные волосёнки, промокала пухлые ручки и ножки. Потом сажала себе на колени и быстро облачала в распашонку. Напоследок причёсывала сына. Егорушка молчал, рассматривая пальчики на руках и ногах. Нежная детская кожа на подушечках собиралась в упругие складочки. Было немного щекотно и смешно.

— Морщинки! — улыбался отец.

Мать поила сына «после баньки» тёплым молоком с мёдом. Подступала зима, и здоровье следовало беречь.

Время летело быстро. Вскоре Егорушка перестал помещаться в тазу. На смену пришла ванна. Её, поскольку жили небогато, смасте-

рили тоже из жести. В этой же ванне мать после купания Егорушки замачивала и стирала в оставшейся мыльной воде бельё.

Морщинки на пальчиках появлялись после купания ещё долго. А когда они исчезли — Егорушка и не заметил.

Лисица и маузер

На коврике, прибитом над кроватью родителей, висит выделанная под воротник шкурка рыжей лисицы. Рядом маузер в деревянной кобуре. Мать вынимает сына из качалки и укладывает на свою постель, где удобнее его переодевать. Ребёнок останавливает взгляд больших карих глаз на странных предметах и затихает на время, достаточное для смены белья. Вскоре сын начинает тянуть ручонки к интересным штуковинам, но дело сделано. Маши руками сколько хочешь.

Обложенный подушками с краю постели, малыш остаётся один. Мать уходит на кухню топить печку и варить завтрак.

Комната сразу делается пустой, и часы-ходики принимаются громко стучать. Егорушка начинает искать глазами источник звука. Но часы находятся в дальнем краю комнаты, над рабочим столом отца. Устав ворочать крупной русоволосой головкой и вращать зрачками, малыш начинает сердиться и вскоре ударяется в плач.

Из кухни выглядывает мать. Убедившись, что сын по-прежнему на постели и подушки надёжно предохраняют от падения, мать снимает лисицу со стены и даёт сыну поиграть. Маузер благоразумно не трогает: играть с этой грозной штуковиной рано.

А сама вновь уходит стряпать. Плач прекращается.

За окном сентябрь начинает окрашивать в малиновый цвет листья черёмухи. Егорушке пятый месяц от роду. Идёт третий год Великой войны. Где-то далеко от этих краёв гремят выстрелы и рвутся бомбы. Командиры машут маузерами и ведут в бой солдат.

Люди воюют за мир для Егорушки и его сверстников.

Мамино молоко

Молоко нравится Егорушке. Оно вкусное и тёплое. Но добывать любимое лакомство непросто. Надо дождаться, пока мать примостится на кровати. Затем она привлекает к себе сына и обнажает круглую грудь с большим коричневым соском. Егорушка припада-

ет к источнику питания и начинает чмокать, с усилием втягивая в рот сладковатую жидкость. Молока маловато, малыш начинает теребить грудь ручонками, требуя продолжения кормления. Мать прячет опустевшую грудь и достаёт другую.

Насытившись, Егорушка принимается за игрушки. У него их целых три — плюшевый бурый медвежонок, деревянная разноцветная пирамидка и погремушка, сделанная отцом из маленькой жёлтой тыковки. Внутрь насыпан горох, и погремушка славно бренчит.

Недавно Егорушке исполнилось десять месяцев. Идёт четвёртый год войны, на которую его отец не попал только потому, что был врачом и отвечал за здоровье тружеников тыла в их таёжном краю...

До полутора лет сосал Егорушка материнское молоко. Уже и стесняться стал посторонних глаз. Но однажды мать его не позвала, а он заигрался и позабыл напомнить о себе. И ничего, с голоду не пропал.

«Кино» на стенке

Вечером сельская электростанция, представлявшая собой паровой локомобиль с генератором, давала электричество до десяти часов. Родители спешили к этому времени закончить домашние дела. Но всё равно что-то не успевали, и приходилось зажигать керосиновую лампу.

Укладывали спать Егорушку как раз к сроку, когда висящая под потолком «лампочка Ильича» мигала напоследок и медленно гасла, словно кто-то невидимый задувал огонь в стеклянной колбочке. Но Егорка не спешил совать сложенные «домиком» ладошки под правую щёку и закрывать глаза. Он знал, что его ожидает интересное представление.

Прикрутив фитиль в керосиновой лампе, чтобы она светила вполнакала, отец садился за стол — и в сумраке начиналось «кино». На белёной стенке за кроваткой сына, чуть повыше маленького коврика, сшитого из разноцветных лоскутков, появлялись одна за другой оживающие чёрные фигурки зверей, птиц и человечков.

Первой возникала голова собаки. Она раскрывала пасть, дёргалась и лаяла папиным голосом. Потом задирала морду в небо и выла жалобно, словно ей было страшно тёмной ночью в лесу. Лес изображали пальцы мамы, подключившейся к игре. Да и вой был очень похож на её голос: Егорушка уже знал, что это теперь воет волк. Было страшно и в то же время весело. Малыш ойкал и смеялся.

Нинка-отонь

Так называла бабушка свою старшую дочку, когда та была в возрасте Егорки. За ней числились подвиги не слабее тех, что совершил позже её сын. Шли двадцатые годы, страна только восстанавливалась после Гражданской войны и разрухи. Было и голодно, и холодно, да к тому же опасно из-за всякого лихого народишка, шнырявшего в поисках добычи. Любой человек дрожал не только за своё барахлишко, но и за саму жизнь. Взрослые едва справлялись с каждодневными бедами, чего уж говорить о детях?

Однажды бабушка вспомнила, как они приехали в Москву из Подольска на пригородном поезде. Пока Мария возилась с хозяйственной сумкой, прихваченной из дому для походов по столичным магазинам в поисках провизии, дочка исчезла из поля зрения. К тому времени они вышли с Курского вокзала и направлялись к автобусной остановке. Подъехал нужный автобус, толпа напирает. Хвать-похвать, а Нинки-то и нет рядом. Где она? Что с ней? Мария застыла на месте как вкопанная.

Автобус уехал. Вслед за ним двинулось такси. Мария с ужасом увидела сзади на запасном колесе свою пропажу. Ветер трепал косички девчонки, но та бесстрашно вцепилась в резиновый круг и не думала менять позицию. Да и поздно: такси набрало ход и растворилось в шумном потоке автотранспорта, вытекавшем с привокзальной площади на столичную магистраль.

Кинулась Мария к постовому милиционеру за выручкой. Мир не без добрых людей. Быстренько организовали погоню, догнали такси уже у Казанского вокзала, остановили. Беглянку сняли с колеса и доставили назад к матери, которая в отчаянии места себе не находила.

Разумеется, путешественнице досталось по первое число.

Вспоминала бабушка и другие приключения Нины, но Егорка их позабыл. Своих хватало. Гораздо больше заинтересовало то, что мама имела красивые дипломы за спортивные победы в школе. В Куйбышевке-Восточной ей не было равной по бегу и прыжкам. Шустрой девушке прочили лавры чемпионки Дальнего Востока, да помешала война. Забегая вперёд, скажем, что когда Егор вырос, то сумел воплотить мечту матери. Жаль, что к тому времени её уже не было на свете.

Бурная энергия была свойственна Нине, не щадившей себя ни на спортивных площадках, ни в работе. И столько она выплеснула сил в молодости, что их не хватило на борьбу с нагрянувшими невесть откуда серьёзными болезнями. Но к тому времени, которое мы описываем, ещё хранился немалый запас творческого огня.

Сразу же по возвращении в Сосновку Нина взялась создавать театр. В районном Доме культуры не было такой должности, какую она занимала в Ульяновском Доме народного творчества. И она стала режиссёром на общественных началах. А работать устроилась статистиком в управление сельского хозяйства. Шутила: «Здесь я зарабатываю на хлеб, чтобы кормить тело, а в театре спасаю душу».

Егорка мало что понимал в маминой философии. Гораздо больше его занимала бурная деятельность по созданию спектакля. Он хвостиком увязывался на репетиции, тянувшиеся допоздна. Его даже кто-то прозвал в шутку ассистентом режиссёра.

Потом настала пора всем селом строить декорации, шить костюмы, мастерить реквизит, запасаться гримом и многими нужными вещами. Самодеятельные артисты несли кто старинный стул, кто причудливую керосиновую лампу, кто подходящую обувь и одежду. У женщин таяли запасы помады и пудры, которыми пришлось делиться с будущими примадоннами.

«Не всё коту масленица» — запомнилось Егорке название пьесы. А ещё очень понравились старинные пистолеты, которые изготовил кто-то из сельских умельцев. Жаль, поиграть ими вволю мама не разрешила.

Заглянув в дуло пистолета, новоявленный театрал сообразил, что из него вполне можно стрелять. Надо только насыпать пороху, затолкать пулю и забить пыж. Насчёт капсюлей он уже соображал с той поры, когда на Украине ему в руки попались патроны. Воспоминание тут же обожгло, словно крапива, в которой он искал взорвавшиеся боеприпасы. Нет, лучше с этим делом не связываться.

Премьера спектакля прошла при огромном стечении сосновцев. Артисты волновались и забывали тексты ролей. Суфлёр из-за кулис подсказывал на весь зал реплики и куски монологов. Зрители не щадили ладоней, аплодируя землякам.

Во втором акте в углу над сценой должна была появиться луна. Кто-то из помощников второпях так задрапировал голубой марлей керосиновую лампу, изображавшую ночное светило, что она вспыхнула. Правда, её тут же быстро потушили, но в битком набитом зале резко завоняло горелым. И этот запах кружил головы до закрытия занавеса.

Дома бабушка Мария, когда всё закончилось и они обсуждали премьеру, вспомнила девчоночье прозвище дочери:

— Опять ты жару всем задала. И без огня не обошлось.

Мама была счастлива и смеялась громче всех. Сегодня она играла на сцене одну из главных ролей. Никто не узнал её в костюме купчихи и парике: и голос старушечий, и походка шаркающая. Успех был полный...

Приближался смотр художественной самодеятельности. Мама выучила целую главу из книжки про Ленина, как тот в тюрьме писал молоком письмо на волю. Когда в камеру неожиданно нагрянули стражники, Ильич быстро проглотил «чернильницу» из хлебного мякиша. И его не разоблачили. В этом месте мама принималась махать руками и бегать «по камере», якобы заметая следы преступления. Егорка вспоминал посещение музея в Ульяновске и удивлялся, как мама сумела воскресить такую сложную сценку.

Из города, где проходил смотр, Нина возвратилась со званием лауреата и ещё одной почётной грамотой.

И на этой стезе, уже в студенчестве, Егор повторит материнские достижения, получив за чтение своих стихов лауреатский диплом. Выходит, яблоко от яблони действительно падает неподалёку.

Минут годы. Всё растворится в сумерках памяти, затеряются грамоты и дипломы. Но мамин огонь продолжал освещать путь Егора и согревать душу.

Читательский билет

Выбухал в этом году Егор изрядно. И в Волге купался, и в пионерлагере на таёжной речке Горбыль успел побывать. Научился грести вёслами в лодке. Чуть не утонул возле самого берега, после чего ошеломлённым нутром понял закон Архимеда и смело стал переплывать озеро Кочковатое.

Солнце Приволжья и Приамурья выжгло на лице пять овальных отметин. Они шелушились, мать вздыхала: «Отчего это у тебя так?» А отец объяснял с медицинской точки зрения: «Лазит везде. Вот и нацеплял лишаёв, как пёс репьёв на хвост».

Некогда пухлые щёки опали, волосы ещё сильнее высветились. Руки-ноги обросли кое-какими мускулами и вытянулись, как у кузнечика. Да, бегать и прыгать он любил, хлебом не корми.

С губ улетучилась безмятежная улыбка. Всё чаще наш герой усмехался в ответ на вызовы времени. В карих глазах появи-

лась задумчивость. Теперь он не бросался сломя голову навстречу неизвестности. Вряд ли бабушка Мария узнала бы его издали в толпе мальчишек. Всё чаще стали называть вчерашнего Егорку суровым именем Егор. А Егорушка и вовсе затерялся в раннем детстве.

Много чего с ним произошло!

А ещё Егор стал читателем. Вы, наверное, помните из начальных глав книжки, что смыслы и звуки родной азбуки он начал воспринимать очень рано. Вспомните про «букву-жук», узнанную в трёхлетнем возрасте.

Понравилось читать вместе матерью всё новые и новые книжки. Особенно про зверей и птиц, рыб и насекомых. Бианки и Пришвин стали любимыми писателями. Приключения мышонка Пика или спор обитателей леса о том, у кого самый лучший нос, увлекали в мир родной природы.

Книги мама приносила постоянно, в основном после того как получала зарплату.

Отец из командировок в дальние города тоже не забывал прихватить книжку-другую.

Стал Егор интересоваться тем, что читают родители. Так вошли в его сознание имена Пушкина и Лермонтова. А там и Толстой прибавился на книжной этажерке со своей трилогией*.

Видя бурный рост сына, стали родители поговаривать о том, что осенью отдадут его в школу. Слово «отдадут» напугало бы иного мальца суровой неотвратимостью, но только не Егора. В свои шесть лет сделался он человеком бывалым, изрядно постранствовал по свету, много чего испытал на земле, на воде и в небе. Про таких, как он, в будущем придумают термин «дети войны». Лично мне выражение не очень-то нравится каким-то официальным оттенком. Возможно, другие воспринимают эти слова иначе. Спорить не буду.

Ближе к осени отправился Егор исследовать место грядущих действий. Одно дело приходить в школьный двор поиграть с друзьями, и совсем другое, когда надо каждый день спешить на уроки.

В главном здании школы заканчивалась побелка-покраска. В домишке для начальных классов — та же самая картина. Лишь стоявший на отшибе высокий пятистенок, срубленный из кондового сосняка, был полностью готов к новой учебной страде. Более того, сюда то и дело заглядывали мальчишки и девчонки. Спустя некоторое время они выходили назад со связками книжек.

^{*} Повести Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»

Смекнув, что здесь выдают учебники, направил туда свои стопы и Егор.

Он смело толкнул дверь под вывеской «Библиотека», оказался внутри и поздоровался. Женщина средних лет, в очках, внимательно посмотрела на нового посетителя, кивнула в ответ и, не признав, поинтересовалась:

- Тебе чего, мальчик?
- Я за книжками.
- Понятное дело, не за пампушками, улыбнулась хозяйка. Зайчики в её очках весело брызнули во все стороны. Напомни, ты из какого класса.
- Я в первый пойду, сглотнув слюну, выдавил из себя посетитель.

Библиотекарь оглядела мальчика с головы до ног. Убедившись, что по фактуре он может быть и второклассником, она достала из длинного деревянного ящичка чистую картонку.

— Говори имя и фамилию. Читать, надеюсь, умеешь? Вон какой добрый молодец.

Егор молча тряхнул выгоревшим на солнце «боксовским» чубчиком.

Заполнив формуляр, женщина вынула из стола ещё одну картонку, согнутую пополам.

— Вот твой читательский билет. По нему ты будешь получать и сдавать книжки.

Это ему понравилось, и он окончательно утвердился в мысли, что скоро станет школьником.

Женщина подошла к стеллажу и сняла с полки тоненькую книжку.

— Прочитаешь и вернёшь через три дня. Постарайся что-нибудь выучить наизусть.

Книжечка называлась «Колокольчики». Чёрно-белые рисунки сопровождали каждый стишок. Мальчик вколачивал в табуретку гвоздь. Девочки пили чай под тенистым деревом, а над блюдечком вились пчёлы. Малыш приделывал колесо к игрушечному грузовику...

Придя домой и проглотив залпом текст, Егор остался не совсем удовлетворённым. Стихи были явно рассчитаны на малышню. «Сюсю, ля-ля...» Не то! В его возрасте даже неинтересно такое читать. Но одно стихотворение задержало внимание. Оказалось, что он знал его и не однажды распевал в хороводе у новогодней ёлки. Последний раз это было в ульяновском детсаде.

Маленькой ёлочке Холодно зимой, Из лесу ёлочку Взяли мы домой. Сколько на ёлочке Шариков цветных, Розовых пряников, Шишек золотых!...

Воспитательница размахивала руками в такт музыке и одёргивала: «Егор, не кричи! Горло сорвёшь, и голос пропадёт». Егор снижал обертоны и допевал, затерявшись в ребячьем звонкоголосье:

…Встанем под ёлочкой В дружный хоровод, Весело, весело Встретим Новый год!

Имя автора Егор не запомнил. Тысячи новых книг заслонили его. Но если вам будет интересно, отыщите хотя бы одну книжку Зинаиды Александровой*. Сделать это нетрудно, особенно в эпоху интернета. Если очень повезёт, можете найти что-нибудь в библиотеках. За свою жизнь поэтесса издала более семидесяти книжек для детей. Наверняка хотя бы один сборничек где-нибудь да сохранился. Для этого вовсе не обязательно иметь читательский билет. Главное — желание.

Впереди Егорку ждали школа и вся последующая жизнь.

^{*} Александрова Зинаида Николаевна (1907, Санкт-Петербург, — 1983, Москва)

DOPOTA YEETAET B DAMB

Вот вы и заглянули в глазок калейдоскопа. Наверное, каждый увидел что-то своё. Картина мира не может быть плоской и совпадать до детали. Это так.

Мы оставляем Егора перед новым этапом жизни: школа, десять лет бурных событий. Если об этом появится новая книжка, я не удивлюсь. Но стоит ли? Кое-что уже написано ранее и по частям издано. Есть рассказы и повести, стихи и просто воспоминания. Они рассыпаны по другим книгам. Повторять опыт Льва Толстого с его трилогией, честно говоря, не тянет. Не потому что убоялся состязания с классиком русской и мировой словесности. Просто так получается.

Есть и другая причина. Хочется видеть живыми и здоровыми мать и отца Егорки, родных и друзей. Хотя, если вы помните, уже были невосполнимые потери. Вудем считать, что стезя деревенского мальчишки взобралась на некий перевал через вершины сопок. А дальше видны горы намного выше и угадываются скрытые дымкой расстояний новые пути.

Давайте лучше пожелаем нашему герою удачи.

содержание

Калейдоскоп воспоминаний НЕИЗГЛАДИМЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ		Подножный корм	53 55 56
Распутица		СЕРДЦЕ РОДИНЫ	59 60 62 63 65 67 69 70
ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ Корова Зойка	18	у БАБУШКИ СТЕПАНИДЫ	73
Огород и земляника	19 20 21 22 23 25 26 29	Медаль Ушакова Гедз Патроны и крапива Ангел в небе Марийка На баштане Кроты Конопля Жнива	74 75 77 79 80 83 85 87
КУДА ВЕДУТ РЕЛЬСЫ		ЗЕМЛЯ КРУГЛАЯ!	91
Паровоз закричал Зеркала	32 33 34 35 36 38 40 43 44	Врач Воробьёва	92 93 94 95 97 99
послевоенные будни	47	Дыра в заборе	$\frac{102}{105}$
Посылка	48 50 51	Амур-батюшка 1 Капли с неба 1	$107 \\ 110 \\ 113$

ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ 117	Каша до отвала	146
Бездонная Гребля	Форточник Большевистское подполье На стрелке далёкой	151
Новые валенки 127 Кирзавод 130	СКОРО В ШКОЛУ	155
Детский аэродром 133	Дежавю	
ВОЛГА-МАТУШКА 137	Трофеи	162
Город священной горы	Кудряши	168
Волны на сцене 145	Дорога убегает в даль	174

Литературно-художественное издание

Игорь Данилович Игнатенко

ДЕТСТВО ЕГОРКИ

Повесть в новеллах

ООО Издательская компания «РИО» (Благовещенск) ИП Львов Д. В. (Санкт-Петербург)

Редактор В. Г. Лецик

Формат 70х100/16. Усл. печ. листов 14,19. Заказ Отпечатано в ООО «Литография Принт» 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14

ISBN 978-5-9908645-1-1

